

Большой театр. — 2001. — май (№3). — с. 17

ДВЕ ИПОСТАСИ ДЖОНА НОЙМАЙЕРА

SPRING AND FALL, NOW AND THEN, «ЗВУКИ ПУСТЫХ СТРАНИЦ». МАРИИНСКИЙ ТЕАТР. ПРЕМЬЕРА — 28 АПРЕЛЯ

Согласие Джона Ноймайера поставить свои балеты в Мариинском театре снимает сразу несколько назревших вопросов. Первый — Мариинка наконец-то встретила не с балетами-шедеврами ранее не танцующих у нас балетмейстеров, а непосредственно с действующим хореографом мирового уровня, создателем авторского театра. (Освоение XX века — от Баланчина и Роббинса к Макмиллану и Пети — проходило опосредованно, через репетиторов, и исключало прямой контакт даже с ныне живущими из них). Второй — интересы Ноймайера напрямую соответствуют идеалам сегодняшней Мариинки. Третий — сам же Ноймайер,

«классик» и романтик по призванию, неслучаен в Мариинке.

Актуальный смысл современный гамбургский хореограф находит и в переосмыслении больших классических балетов, совмещая при этом традиционную сюжетную линию с близким и понятным сегодняшним зрителем новым контекстом («Иллюзии, как «Лебединое озеро», «История Золушки», «Спящая красавица»), и в танцсимфониях, которые, как правило, не несут дополнительного смысла, кроме музыкального (Симфонии Малера, «Мессия» Генделя, «Страсти по Матфею» Баха). Но для Ноймайера, по первой профессии филолога и театроведа, любой тип балетного спектакля сам по себе не имеет смысла, если он лишен самого его существа, если в нем отсутствует какая-либо ноймайеровская программность. Он не увлекается поисками языка, не это его самоцель. В рамках созданной системы язык у него возникает из смысла, из него рождается хореография, а не наоборот, когда сам язык диктует смысл у авангардистов. Будучи современным, чувствующим изменения жизни хореографом, Ноймайер к авангардистам нашего времени никак не относится. Он в чистом виде «смысловик», что и сближает его с нашей культурной традицией (в 20-е годы было распространено деление художников на «формалистов» и «смысловиков»).

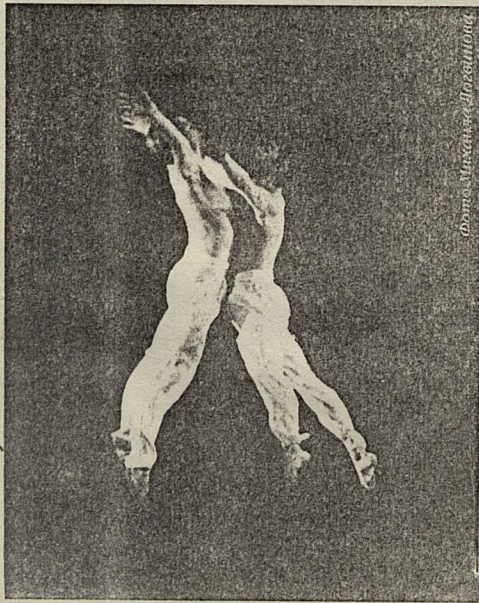
Ноймайер представляет собой уникальный конгломерат любителя старины, коллекционера и «классика» с одной стороны, с другой — повторяюсь, балетмейстера, живущего сегодняшним своим опытом. Вот в этих двух ипостасях — наследника и современного художника он выступил на мариинской сцене. В Spring and Fall («Весна и осень», 1994) и Now and Then («Теперь и тогда», 1993) Ноймайер воспринял идеи авангарда начала XX века, а балет «Звуки пустых страниц», поставленный на петербургских

танцовщиков, равен Ноймайеру 2001 года.

«Весна и осень» на музыку Дворяжак, если угодно, это разработка темы «Игр» Нижинского, а «Теперь и тогда» на музыку Равеля — темы фокинского «Петрушки», переведенной на конструктивистский язык (учитывая, что Нижинский для Ноймайера культовая фигура, а свои вариации stravinskogo «Петрушки», к примеру, он переставлял по несколько раз). Благодаря таким уникальным артистам, как Диана Вишнева и Андриан Фадеев, исполнявшим все балеты и привнесшим в каждый из них собственную неповторимую, осмысленную к тому же, окраску, балеты Джона Ноймайера будут жить, а не просто числиться в Мариинском театре. И тогда можно будет считать, что хотя бы таким непрямым способом, в Петербурге ося-

дет тень балетов Нижинского, очередь которых, может быть, еще подойдет. А коллекция балетов Ноймайера обретет здесь генетическую связь со своими предшественниками.

ВАРВАРА ВЯЗОВКИНА

Дмитрий Завалишин и Максим Хребтов
«Весна и осень»

Светлана Захарова и Илья Кузнецов
«Теперь и тогда»

Ноймайер Джон

(№3). 05.02
(Март)

146

Большой театр. — 2001 — май (№3) — с. 17

ДВЕ ИПОСТАСИ ДЖОНА НОЙМАЙЕРА

SPRING AND FALL, NOW AND THEN, «ЗВУКИ ПУСТЫХ СТРАНИЦ». МАРИИНСКИЙ ТЕАТР. ПРЕМЬЕРА — 28 АПРЕЛЯ

Согласие Джона Ноймайера поставить свои балеты в Мариинском театре снимает сразу несколько назревших вопросов. Первый — Мариинка наконец-то встретила не с балетами-шедеврами ранее не танцуемых у нас балетмейстеров, а непосредственно с действующим хореографом мирового уровня, создателем авторского театра. (Освоение XX века — от Баланчина и Роббинса к Макмиллану и Пети — проходило опосредованно, через репетиторов, и исключало прямой контакт даже с ныне живущими из них). Второй — интересы Ноймайера напрямую соответствуют идеалам сегодняшней Мариинки. Третий — сам же Ноймайер,

Дмитрий Завалишин и Максим Хребтов
«Весна и осень»

«классик» и романтик по призванию, неслучаен в Мариинке.

Актуальный смысл современный гамбургский хореограф находит и в переосмыслении больших классических балетов, совмещая при этом традиционную сюжетную линию с близким и понятным сегодняшним зрителям новым контекстом («Иллюзии, как «Лебединое озеро», «История Золушки», «Спящая красавица»), и в танцсимфониях, которые, как правило, не несут дополнительного смысла, кроме музыкального (Симфонии Малера, «Мессия» Генделя, «Страсти по Матфею» Баха). Но для Ноймайера, по первой профессии филолога и театроведа, любой тип балетного спектакля сам по себе не имеет смысла, если он лишен самого его существования, если в нем отсутствует какая-либо ноймайеровская программность. Он не увлекается поисками языка, не это его самоцель. В рамках созданной системы язык у него возникает из смысла, из него рождается хореография, а не наоборот, когда сам язык диктует смысл у авангардистов. Будучи современным, чувствующим изменения жизни хореографом, Ноймайер к авангардистам нашего времени никак не относится. Он в чистом виде «смысловик», что и сближает его с нашей культурной традицией (в 20-е годы было распространено деление художников на «формалистов» и «смысловиков»).

Ноймайер представляет собой уникальный конгломерат любителя старины, коллекционера и «классика» с одной стороны, с другой — повторюсь, балетмейстера, живущего сегодняшним своим опытом. Вот в этих двух ипостасях — наследника и современного художника он выступил на мариинской сцене. В Spring and Fall («Весна и осень», 1994) и Now and Then («Теперь и тогда», 1993) Ноймайер воспринял идеи авангарда начала XX века, а балет «Звуки пустых страниц», поставленный на петербургских

танцовщиков, равен Ноймайеру 2001 года.

«Весна и осень» на музыку Дворжака, если угодно, это разработка темы «Игр» Нижинского, а «Теперь и тогда» на музыку Равеля — темы фокинского «Петрушки», переведенной на конструктивистский язык (учитывая, что Нижинский для Ноймайера культовая фигура, а свои вариации stravinskogo «Петрушки», к примеру, он переставлял по нескольку раз). Благодаря таким уникальным артистам, как Диана Вишнева и Андриан Фадеев, исполнявшим все балеты и привнесшим в каждый из них собственную неповторимую, осмысленную к тому же, окраску, балеты Джона Ноймайера будут жить, а не просто числиться в Мариинском театре. И тогда можно будет считать, что хотя бы таким непрямым способом, в Петербурге ося-

Светлана Захарова и Илья Кузнецов
«Теперь и тогда»

дет тень балетов Нижинского, очередь которых, может быть, еще подойдет. А коллекция балетов Ноймайера обретет здесь генетическую связь со своими предшественниками.

ВАРВАРА ВЯЗОВКИНА

Ноймайер
Джон
(май) 05.01
(№3)